

Введение

Часто спрашивают, что Европа дала миру, что является ее уникальным вкладом. Возможно, лучший ответ – понятие объективности. Все остальное вытекает из него – идея личности и ее свободы; общее благо, отличное от частных интересов; справедливость как стремление к правде (то есть противоположность мести); этика науки и уважение к эмпирическим данным; философская мысль, которая освобождается от веры и прославляет способность мыслителя мыслить мир и самостоятельно искать истину; дистанцированность и возможность самокритики; способность к диалогу, наконец, само понятие истины.

Универсализм – это разложение объективности. Если объективности можно достичь, отпавляясь от частных вещей, то универсализм стремится определить частность, отпавляясь от абстрактного и произвольно заданного понятия. Вместо того, чтобы выводить долженствование из бытия, он поступает прямо противоположным образом. Универсализм состоит не в объективном рассмотрении вещей, он предписывает отпавляться от всеобщей абстракции, из которой выводится знание о природе вещей. Он представляет собой заблуждение, симметричное по отношению к метафизике субъективности, которая сводит благо к тому, что «хорошо для меня» или «хорошо для нас», истинное – к внутреннему голосу [for intérieur] или к междусобойчику. Европейская традиция всегда говорила, что человеку необходимо бороться со своей непосредственно данной субъективностью. Как утверждает Хайдеггер, вся история современности – это история развития метафизики субъективности.

Субъективизм обязательно приводит к релятивизму (согласно которому, всё равноценно), смыкаясь, таким образом, с эгалитарным выводом универсализма (все равноценны). Релятивизм можно преодолеть лишь за счет произвола моего Я (или произвола нашего коллективного Я): моя точка зрения должна взять верх просто потому, что она моя (или наша). Понятия справедливости и общего блага тут же теряют всякую основу.

Идеология прав человека включает в себя оба этих заблуждения. Она является универсалистской в той мере, в какой намеревается навязать себя везде и всюду, не обращая внимания на сообщества, к которым принадлежат люди, на традиции и контексты. В то же время она является субъективистской, поскольку определяет права в качестве субъективных атрибутов, принадлежащих исключительно индивиду.

«Коронация прав человека, – пишет Марсель Гоше, – является, несомненно, главным идеологическим и политическим фактом последних двадцати лет» (Marcel Gauchet, *La démocratie par elle-même*, Gallimard-Tel, 2002, p. 326). Права человека, – добавляет он, – стали «идеологическим центром притяжения» всего того, что мы наблюдаем сегодня. Они стремятся стать гегемоном и заменить собой всевозможные политико-социальные дискурсы, которые некогда выстраивались на основе ныне обветшавших или опороченных понятий (традиции, нации, прогресса, революции), то есть их цель – стать единственным компасом для сбившейся с пути эпохи, подарить некую минимальную мораль смятенному миру. Они, как говорит Робер Бадентер, являются «моральным горизонтом нашего времени». Они должны стать «основанием всех обществ», – добавляет Кофи Аннан. В них «в зародыше содержится понятие подлинного мирового правительств», – констатирует Жан Даниэль.

И даже больше того. Основываясь на тезисах, объявленных «очевидными» (уже в американской Декларации независимости США 1776 года можно было прочесть: «we hold these truths to be

self-evident» – «мы считаем эти истины самоочевидными»), они представляются в качестве нового Декалога. И как новое основание человеческого порядка, они должны получить священный статус. Соответственно, права человека получили определение в качестве «религии человечества» (Надин Гордимер), «всемирной секулярной религии» (Эли Визель). Они, как пишет Режи Дебре, являются «на данный момент последней из всех наших гражданских религий, душой бездушного мира» (Régis Debray, *Que vive la République*, Odile Jacob, 1989, p. 173).

Очевидность всегда близка к догматичности, ведь о ней не спорят. Вот почему сегодня критика идеологии прав человека кажется столь же неудобной, святотатственной и скандальной, как некогда сомнения в существовании Бога. Как и всякая религия, дискурс прав человека пытается выдать свои догмы за абсолют, с которыми невозможно спорить, не выставив себя глупцом, бесчестным или злым человеком. Представляя права человека в качестве прав «человеческих» и «всеобщих», их, естественно, ограждают от критики, то есть от *права* ставить их под вопрос, и в то же время их противников ненароком выталкивают за пределы человеческого рода, поскольку невозможно же выступать против того, кто говорит от лица человечества, и при этом остаться человеком. Наконец, точно так же, как верующие раньше считали своим долгом всеми возможными способами обращать «неверных» и маловерных, сторонники религии прав человека считают, что у них есть мандат на исполнение миссии, требующей насадить принципы этой религии по всему миру. Идеология прав человека, теоретически основывающаяся на принципе терпимости, несет в себе, как выясняется, нетерпимость самого крайнего толка, потенцию абсолютного отвержения. Декларации прав – не столько декларации любви, сколько декларации войны.

Но сегодня целью дискурса прав человека является не только обеспечение суррогатной идеологией, понадобившейся после

крушения «больших нарративов». Пытаясь навязать всем людям в мире частную нравственную норму, он стремится восстановить чистую совесть Запада, позволив ему снова предстать в виде образца для подражания и изобличить тех, кто не желает ему следовать, как «варваров». Если обратиться к истории, «права» слишком часто определялись властителями господствующей идеологии. Дискурс прав человека, связанный с расширением рынка, составляет идеологический каркас глобализации. Прежде всего, он является инструментом господства, и должен рассматриваться именно в этом качестве.

У людей должна быть возможность бороться с тиранией и угнетением, где бы они ни жили. Оспаривать идеологию прав человека – это, разумеется, не значит защищать деспотизм, скорее, ставить под вопрос то, что эта идеология является лучшим средством против деспотизма. То есть поднимать вопросы о значимости оснований этой теории, о номологическом статусе этих прав, о возможностях инструментализации, объектом которой они могут стать. И в то же время критика идеологии прав человека означает, что нужно предложить другое решение.

Свобода – кардинальная ценность. Она является самой сущностью истины. Вот почему ее следует вытащить из колеи универсализма и субъективизма. Наверное, неслучайно то, что права человека с такой настойчивостью провозглашаются в обществе, которое все больше дегуманизируются, где люди сами все больше становятся объектами, а коммерциализация социальных отношений постоянно создает новые формы отчуждения. Существует много способов засвидетельствовать людям уважение и солидарность. Вопрос свобод невозможно решить в терминах прав и морали. Прежде всего, это вопрос политический. И решаться он должен политически.

Содержание

Введение	3
1. Относятся ли права человека к праву?	7
2. В поисках основания	24
3. Права человека и разнообразие культур.....	52
4. По ту сторону прав человека: политика, свобода, демократия.....	77